

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»
Институт права

(наименование института полностью)

Департамент публичного права
(наименование)

40.03.01 Юриспруденция

(код и наименование направлению подготовки / специальности)

Уголовно-правовой

(направленность (профиль) / специализация)

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА)

на тему «Хищение чужого имущества или приобретение права на него путем обмана:
уголовно-правовая характеристика»

Обучающийся

Е.В. Маличенко

(Инициалы Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель

канд. юрид. наук, Л.Н. Кабанова

(ученая степень (при наличии), ученое звание (при наличии), Инициалы Фамилия)

Тольятти 2025

Аннотация

Актуальность данной бакалаврской работы заключается в анализе уголовно-правовой характеристики хищения чужого имущества или приобретения права на него путем обмана, поскольку именно мошенничество на сегодняшний день является одной из наиболее распространённых и социально опасных форм преступлений против собственности. Масштаб его распространения, а также высокая степень адаптивности к современным экономическим и цифровым условиям создают значительные трудности для правоприменительной практики и требуют комплексного научного осмысления.

Цель исследования – всестороннее изучение уголовно-правовой природы мошенничества, выявление проблемных аспектов квалификации и отграничения его от смежных составов, а также разработка предложений по совершенствованию действующего законодательства и правоприменительных подходов.

Задачи исследования:

- анализ исторического становления института ответственности за хищение путем обмана;
- рассмотрение социальной опасности и криминологических особенностей мошенничества;
- изучение объективных и субъективных признаков состава преступления;
- выявление проблем квалификации и отграничения от смежных преступлений против собственности, а также выработка предложений по совершенствованию законодательства и практики его применения.

Структура бакалаврской работы обусловлена поставленной целью и задачами и состоит из введения, трёх глав, включающих шесть параграфов, заключения и списка используемой литературы и используемых источников.

Оглавление

Введение	4
Глава 1 Общие положения об уголовной ответственности за хищение чужого имущества или приобретение права на него путем обмана	7
1.1 Основные аспекты хищения чужого имущества или приобретение права на него путем обмана в уголовном законодательстве РФ: истории становления, характеристика способов совершения	7
1.2 Социальная опасность и криминологическая характеристика мошенничества	17
Глава 2 Уголовно-правовая характеристика хищения чужого имущества или приобретение права на него путем обмана	24
2.1 Объективные признаки	24
2.2 Субъективные признаки	26
Глава 3 Вопросы квалификации за хищение чужого имущества или приобретение права на него путем обмана	29
3.1 Вопросы отграничения за хищение чужого имущества или приобретение права на него путем обмана со смежными составами ...	29
3.2 Пути совершенствования правовых норм, направленных на предупреждение обманных действий как опасной формы противоправного поведения	36
Заключение.....	47
Список используемой литературы и используемых источников	49

Введение

Тема хищения чужого имущества или приобретения права на него путем обмана остается в центре внимания не только из-за высокой распространенности соответствующих деяний, но и в силу того, что сама среда их совершения стремительно меняется. За одиннадцать месяцев 2024 года зарегистрировано 411,6 тысячи мошенничеств, их удельный вес среди всей преступности за пять лет возрос почти вдвое. При этом подавляющее большинство преступлений связано с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, от подмены телефонных номеров до операций с электронными платежными средствами. Подобные обстоятельства усложняют раскрытие и квалификацию, но одновременно требуют более точной юридической оценки при анализе объективной и субъективной стороны состава [31]. Следователи отмечают слияние традиционных форм обмана с цифровыми методами воздействия и техническими схемами доступа, что усиливает криминогенные факторы, повышающие уязвимость потерпевших, и подрывает базовые основы общественного развития. [41, с. 134].

Актуальность темы подтверждается и тем, что несмотря на кажущуюся определенность норм продолжают споры о разграничении смежных составов, об определении времени о моменте окончания преступления, при разнообразии предмета посягательства и способах завладения, о критериях доказывания предшествующего умысла, особенно в ситуациях, когда обман маскируется под гражданско-правовую сделку или предпринимательский риск. Положение Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» (далее по тексту – ПВС РФ № 48) полностью в постановлениях дал разъяснения о способах совершения мошенничества, описав обман и злоупотребление доверием как формы завладения и задав ориентиры для отграничения от кражи и грабежа. Однако отдельные спорные вопросы, например учет предоплаты и

определение реального ущерба в сложных договорных ситуациях, продолжают требовать как доктринальной, так и практической проработки.

Цель исследования заключается в раскрытии уголовно-правовой характеристики хищения чужого имущества и приобретения права на него путем обмана с учетом современного состояния законодательства и практики, а также в выявлении устойчивых проблем квалификации и формулировании предложений по совершенствованию регулирования.

Задачи исследования:

- анализ исторического становления института ответственности за хищение путем обмана;
- рассмотрение социальной опасности и криминологических особенностей мошенничества;
- изучение объективных и субъективных признаков состава преступления;
- выявление проблем квалификации и отграничения от смежных преступлений против собственности, а также выработка предложений по совершенствованию законодательства и практики его применения.

Объектом исследования являются урегулированные уголовным правом общественные отношения, складывающиеся в процессе совершения и пресечения преступлений против собственности. Предмет исследования составляют институт уголовной ответственности за мошенничество в общей и специальных нормах, а также правовые средства, через которые обеспечивается отграничение от кражи, присвоения и растраты при внешнем сходстве мотивов и последствий для потерпевшего.

Методологическая основа строится на сочетании анализа и синтеза с формально-юридическим толкованием, историко-правовым изучением эволюции состава, сравнительно-правовым сопоставлением общих и специальных норм, а также системным подходом к оценке судебных разъяснений и практики. Такой анализ, как нам представляется позволяет

точно осуществлять толкование текста нормы, положений руководящего постановления Пленума Верховного Суда.

Теоретическую базу составляют труды в области уголовного права и криминологии, где описаны способы совершения и модели личности виновного, а также обозначены слабые места правоприменения [4, с. 10].

Нормативную основу образует Уголовный кодекс Российской Федерации, положения гражданского законодательства о составе объектов гражданских прав, где прямо указываются имущественные права и безналичные денежные средства как предметы оборота и, следовательно, возможного хищения [8]. Толкование признаков состава мошенничества производится с учетом разъяснений руководящего по данному виду преступлений Пленума Верховного Суда № 48 от 30.11.2017. Дополнительно учитываются федеральные законы о национальной платежной системе и об информации, так как именно они задают технико-правовые рамки электронных денежных средств и сетевых сред, в которых концентрируется значительная часть современных мошенничеств [39].

Структура работы включает введение, три главы и заключение, список используемой литературы и используемых источников.

В первой главе рассматриваются историко-доктринальные и криминологические основания ответственности за хищение путем обмана и злоупотребления доверием, а также социальная опасность этих деяний. Во второй главе анализируются объективные и субъективные признаки состава на основе судебной практики. В третьей главе исследуются квалификационные проблемы, разграничение со смежными составами и предлагаются пути совершенствования правового регулирования. В заключении формулируются выводы, судебные позиции и научные публикации, на которых строится аргументация.

Глава 1 Общие положения об уголовной ответственности за хищение чужого имущества или приобретение права на него путем обмана

1.1 Основные аспекты хищения чужого имущества или приобретение права на него путем обмана в уголовном законодательстве РФ: истории становления, характеристика способов совершения

Исторически понятие хищения в отечественном праве складывалось исходя из понимания различных форм хищения и его видов. Ранние источники фиксировали прежде всего телесную вещь как предмет посягательства и связывали противоправность с нарушением владения, а в поздней дореволюционной кодификации появлялось более обстоятельное разграничение способов завладения. В советских кодексах хищение закреплялось как родовое понятие, а мошенничество выделялось в самостоятельный состав и описывалось через обман и злоупотребление доверием как особые приемы завладения. Современное понятие хищения было закреплено в примечании к статье 158 УК РФ и применяется как общее базовое понятие для всех форм хищения, где мошенничество занимает место ключевого интеллектуального способа изъятия или обращения чужого имущества, а также приобретения права на него путем введения в заблуждение или эксплуатации доверительных отношений [45, с. 127].

Действующее законодательство выделяет несколько признаков хищения. Хищение определяется как противоправное безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или третьих лиц при наличии корыстной цели и причинении ущерба собственнику или иному владельцу.

Мошенничество как форма хищения имеет ряд специфических признаков, которые отличают его от иных способов завладения чужим

имуществом. Главный из них заключается в том, что изъятие или обращение чужого имущества совершается не путем тайного или открытого физического воздействия, а посредством интеллектуального влияния на потерпевшего. Виновный создает у жертвы искажённое представление о фактах или обстоятельствах, вводит его в заблуждение либо использует уже существующие доверительные отношения [27, с. 144] В результате такого воздействия потерпевший сам совершает действия, которые внешне выглядят как добровольная передача имущества или предоставление права на него. Именно этот признак – использование обмана или злоупотребления доверием как инструмента – является ключевым для квалификации. Кроме того, мошенничество предполагает корыстную направленность поведения и причинение имущественного ущерба собственнику или иному владельцу. Ущерб может выражаться как в утрате конкретной вещи или денежных средств, так и в лишении права распоряжаться ими [35].

Таким образом, мошенничество сочетает в себе все обязательные признаки хищения: противоправность, безвозмездность, изъятие или обращение имущества, причинение ущерба и наличие корыстной цели, но реализует их в особой форме – через искажение воли потерпевшего посредством обмана или злоупотребления доверием.

Состав мошенничества в уголовном законе сформулирован как хищение чужого имущества либо приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием. Такая нормативная конструкция сразу задает две возможные формы реализации преступления. Первая связана с изъятием имущества в его материальном выражении и по сути сближает мошенничество с другими видами хищений, однако особенность проявляется в способе совершения – не физическом воздействии на объект, а введении потерпевшего в заблуждение. Вторая форма касается приобретения права на имущество, когда результат выражается не в фактическом перемещении вещи, а в закреплении за виновным юридически значимого статуса, позволяющего распоряжаться чужим благом. Именно эта вторая группа выводит

исследование за рамки простой передачи вещей и затрагивает вопросы юридической природы преступного результата [15, с. 85]. Здесь ключевым становится момент окончания преступления: он наступает тогда, когда у виновного появляется закреплённое правом состояние, открывающее возможность распоряжаться чужим имуществом как своим, а у потерпевшего возникает реальный имущественный вред либо риск такого вреда. Такой риск законодатель рассматривает как достаточный для признания преступления оконченным, что особенно важно при анализе сделок, регистрационных действий и иных юридических актов, создающих у виновного фиктивное право на чужое имущество [5, с. 35].

Обман как способ мошенничества охватывает как активные действия по сообщению ложных сведений, инсценировке фактов, предъявлению подложных документов, так и умолчание об обстоятельствах, которые лицо обязано было раскрыть в силу закона, договора или характера сложившихся отношений.

Специалисты в области уголовного права и правоприменители сходятся в том, что обман может относиться к любым юридически значимым фактам, включая личность и полномочия виновного, свойства предмета, объем прав или обязанностей сторон, правовой режим имущества. При этом решающее значение имеет причинная связь между введением в заблуждение и волевым актом потерпевшего по передаче имущества, совершению действий по его отчуждению либо по созданию для виновного юридического титула на чужое имущество. Уголовно правовая доктрина выделяет активный и пассивный обман, что практически важно при оценке умолчаний в договорных отношениях и при дистанционном общении, где информация подается порционно и контекст умолчаний приобретает самостоятельную юридическую значимость [24].

Злоупотребление доверием как способ мошенничества состоит в использовании уже существующих доверительных отношений, в том числе семейных, служебных, договорных или иных отношений личной зависимости,

которые обуславливают у потерпевшего готовность передать имущество или оформить право на него. Для квалификации мошенничества требуется, чтобы виновный использовал предоставленные ему возможности вопреки интересам доверителя и с корыстной целью, а не просто не исполнил обязательство по договору без изначального преступного умысла [38, стр. 46].

Особенность формулы «приобретение права на чужое имущество» действительно заключается в том, что преступный результат выражается не в физическом изъятии вещи, а в изменении правового положения сторон. Приобретение права означает возникновение у виновного законодательно признаваемой возможности распоряжаться чужим имуществом как своим, будь то право собственности, право пользования, право требования или иное имущественное благо. В тех случаях, когда такое право возникает только после государственной регистрации, момент окончания преступления связывается не с подписанием фиктивного договора, а именно с внесением записи в Единый государственный реестр прав, поскольку лишь с этого момента право приобретает юридическую силу и становится оборотоспособным. Примером может служить ситуация, когда лицо путем обмана убеждает собственника подписать доверенность или договор купли-продажи квартиры, но фактическое хищение в форме приобретения права наступает только тогда, когда договор прошел государственную регистрацию, и за мошенником закрепилось право собственности. В судебной практике именно этот момент признается окончанием преступления: с регистрацией договора у виновного возникает юридически обеспеченная возможность распоряжаться недвижимостью по своему усмотрению, а у потерпевшего формируется реальный имущественный ущерб, даже если фактическое выселение или передача ключей еще не произошли. В тех случаях, когда право может возникнуть без обязательной публичной регистрации, завершенность преступления связывается с тем процессуальным этапом, когда у виновного появляется реальная возможность распоряжаться чужим имуществом. Например, при заключении фиктивного договора займа, лицо получает право

требования к потерпевшему и сразу же использует его для удержания денежных средств или иного имущества. В таких ситуациях момент окончания определяется не передачей самой вещи, а фиксацией юридически значимого результата, то есть возникновением у виновного притязания, обеспеченного законом, и соответствующего обременения потерпевшего. Именно разграничение гражданско-правового обязательства и мошеннического умысла имеет здесь ключевое значение.

В гражданско-правовой сфере лицо может не исполнить обязательство по объективным причинам, но если изначально его цель состояла в получении имущественного результата без намерения выполнять договорные условия, то речь идет о мошенничестве. Установление такого умысла суды связывают с анализом обстоятельств заключения сделки: использование подложных документов, отсутствие у лица реальных источников для исполнения обязательства, фиктивность обеспечения. В практике встречаются дела, когда договоры купли-продажи или займа признавались лишь инструментами обмана, а момент окончания преступления определялся моментом возникновения юридического права у виновного, а не фактическим перемещением имущества.

Эволюция уголовного закона последние годы пошла по пути специализации мошенничества, что связано с бурным ростом безналичных расчетов и цифровых сервисов. В уголовном кодексе появились специальные составы мошенничества в кредитной, страховой, предпринимательской сферах, а также в отношении платежных карт и иных электронных средств платежа. Эти нормы не отменили общий состав, а уточнили отдельные способы и предметы посягательства, где обман реализуется в технологической среде и где предметом выступают безналичные денежные средства и сведения, обеспечивающие доступ к ним. Практика по делам о списании средств с банковских счетов и электронных кошельков показывает, что предметом хищения признаются безналичные денежные средства, а момент окончания связывается с их списанием со счета потерпевшего и зачислением на счет,

подконтрольный виновному или его соучастникам, либо с возникновением у виновного полномочий распоряжения ими посредством токенов, одноразовых кодов и иных инструментов удаленного доступа [43, с. 152].

Цифровизация оборота поставила вопрос о предмете хищения шире общепринятого понимания вещи, как материального объекта гражданского оборота. Гражданское законодательство, в статье 128 ГК РФ прямо относит имущественные права, безналичные деньги, бездокументарные ценные бумаги и иные нематериальные блага к объектам гражданских прав, которые могут быть предметом преступного посягательства. С развитием информационных технологий большое значение имеет правовое регулирование особенностей «изъятия» и «обращения» применительно к нетелесным объектам.

Приведенный фрагмент иллюстрирует прежде всего расширение предмета хищения за пределы материальных вещей в традиционном понимании. Если ранее под изъятием понималось физическое перемещение вещи из владения собственника во владение виновного, то при цифровых посягательствах изъятие приобретает иную форму. Оно выражается в юридическом замещении управомоченного лица, когда меняется запись в электронном реестре или перенастраивается доступ к цифровому активу, и при этом ущерб возникает без какого-либо физического перемещения объекта. В данном случае речь идет о том, что мошенничество в цифровой среде имеет специфический механизм реализации – объектом становится не вещь, а право или цифровой актив, а способом выступает манипуляция информационной системой. Такой пример можно привести со ссылкой на автора статьи, где это прямо отмечено: например, как указывает Хилюта, в современных условиях фиксация момента изъятия без учета особенностей цифровых объектов приводит к правовой фикции, так как имущество может быть похищено в юридическом смысле путем изменения доступа, без фактической передачи вещи [42, с. 69].

История становления норм о мошенничестве показывает движение от крайне общих формулировок, где обман рассматривался лишь как один из способов завладения чужим имуществом, к более детализированным конструкциям, учитывающим специфику конкретных сфер риска. Первоначально мошенничество понималось в самом общем виде – как обман ради получения имущественной выгоды. Такая формула отражала лишь сущностный признак преступления, но не указывала на разнообразие способов его совершения. С развитием экономического оборота и усложнением имущественных отношений законодатель был вынужден конкретизировать норму, выделяя отдельные случаи мошенничества в кредитной, страховой, предпринимательской и иных сферах. Это движение показывает тенденцию к дифференциации уголовно-правовой охраны, когда единый базовый состав разбивается на специальные разновидности с учетом повышенных рисков в определенных отраслях. Таким образом, эволюция норм демонстрирует переход от универсальной общей формулы к более гибкой системе, которая призвана учитывать специфику способов совершения мошенничества и повышенную уязвимость отдельных сфер оборота.

Выделение специальных составов сопровождалось появлением новых квалифицирующих признаков по размеру ущерба и по способу совершения, где информационно-телекоммуникационные технологии названы в качестве обстоятельства, влияющего на квалификацию. Важным стал переход от классических очных схем обмана к дистанционным моделям, где общение с потерпевшим разложено на цепочку коротких коммуникаций и где решающее значение приобретают правила аутентификации, порядок верификации действий клиента и распределение рисков между банком и пользователем в рамках нормативных актов о национальной платежной системе.

Под правилами аутентификации в данном контексте следует понимать предусмотренные законодательством и нормативными актами Банка России процедуры, которые направлены на проверку личности пользователя и на подтверждение того, что именно уполномоченный клиент совершает

операцию. По сути, эти правила создают барьер между пользователем и третьими лицами, исключая возможность совершения действий по счету без ведома законного владельца.

В практическом плане аутентификация может осуществляться с помощью различных инструментов. Наиболее распространенной является проверка персонализированных данных, то есть логинов и паролей, закрепленных за пользователем. Важным элементом является использование одноразовых кодов подтверждения, которые направляются через SMS-сообщения, push-уведомления или специальные устройства-токены и позволяют подтвердить каждую конкретную операцию. Существенное значение приобрела биометрическая аутентификация, которая опирается на уникальные характеристики человека, такие как отпечатки пальцев, изображение лица или голос, и которая получила нормативное закрепление в законодательстве о биометрических персональных данных. Все более широкое распространение получают системы многофакторной аутентификации, где для завершения операции требуется сочетание нескольких независимых способов проверки, например комбинация пароля и одноразового кода или пароль в совокупности с биометрическим подтверждением.

Смысл этих правил заключается не только в технической защите операций, но и в юридическом распределении рисков. Если банк не обеспечил должного уровня аутентификации или допустил проведение операции без применения установленных методов защиты, ответственность за причиненный ущерб ложится на кредитную организацию. В то же время, если клиент сам нарушил предписания, например передал третьему лицу пароль, код подтверждения или иные средства доступа, то ущерб может быть признан следствием его неосторожности и возложен на него самого. Таким образом, правила аутентификации выполняют двойную функцию: они создают технологический барьер против неправомерных действий и одновременно закрепляют справедливое распределение ответственности между участниками

расчетов, что имеет принципиальное значение при квалификации мошенничеств, совершаемых с использованием электронных средств платежа.

Для уголовно-правовой оценки это означает, что способ совершения следует описывать не общими словами о «телефонном звонке», а через конкретные действия, которые вызвали у потерпевшего заблуждение и повлекли передачу имущества или юридически значимую операцию, причем с учетом договорных и публичных правил, регулирующих соответствующую технологию перевода [43, с. 152].

Характеристика способов совершения мошенничества в правоприменении опирается на разъяснение, заданную ПВС РФ № 48. Разъяснено, что обман и злоупотребление доверием являются не самостоятельными составами, а способами завладения, поэтому при квалификации нужно исходить из предмета и результата посягательства, а также из того, какие именно действия потерпевшего стали следствием введения в заблуждение. Разъяснено также, что обман может быть опосредован третьими лицами и техническими системами, однако в любом случае требуется установить, что именно информационное воздействие виновного вызвало волевой акт потерпевшего или иного управомоченного субъекта, который открыл виновному доступ к имуществу или создал для него право на имущество. Такой подход удерживает мошенничество в границах хищения и позволяет отграничить его от кражи, где воля потерпевшего не участвует вовсе, и от присвоения или растраты, где имущество передано законно и преступное деяние заключается в последующем неправомерном обращении вверенного имущества [14, с. 177].

Наконец, необходимо выделить актуальную проблему квалификации в судебной практике по электронным средствам платежа и по регистрационным схемам, связанным с правами на имущество. Под регистрационными схемами понимаются ситуации, когда преступный результат наступает не в момент подписания фиктивного договора, а в момент внесения соответствующей записи в государственный реестр, например в Единый государственный реестр

недвижимости. Именно с этого момента у виновного закрепляется юридически значимое право на имущество, и он получает возможность распоряжаться им по своему усмотрению. Такой механизм характерен для дел о мошенничестве с недвижимостью, где потерпевший фактически не передает имущество, но лишается права собственности в результате подложных регистрационных действий.

Судебная практика по делам о списании средств со счета наглядно показывает, что для квалификации важно установить контроль виновного над инструментом распоряжения. Так, в одном из дел Верховный Суд указал, что момент окончания преступления связан не просто с несанкционированным доступом к счету, а с фактом списания и перехода контроля над деньгами к виновному. При этом предметом хищения признаются безналичные денежные средства, а способом – использование обманных действий, чаще всего в виде фишинговых сообщений, поддельных интерфейсов или злоупотребления доверительными отношениями между клиентом и банком. Объективная сторона выражается в незаконном списании средств и их переводе на счета, подконтрольные преступникам.

Установление умысла в таких делах связано с фиксацией действий, направленных на введение в заблуждение. Признаками преднамеренности могут служить подготовленные схемы перевода, использование поддельных документов, маскировка звонков под представителей банка, немедленное обналичивание или вывод средств через цепочку транзакций. Суд исходит из того, что именно изначальная цель обмануть и завладеть средствами отличает мошенничество от гражданско-правовых рисков. Момент окончания преступления определяется фактом перехода контроля над денежными средствами от потерпевшего к виновному, что фиксируется либо списанием средств со счета, либо возникновением у виновного реальной возможности распоряжаться ими.

В делах о приобретении права на чужое имущество через фиктивные договоры и злоупотребление доверием центр тяжести смещается на

юридическую ткань сделки и на регистрационные действия. Здесь преступление считается оконченным не в момент подписания договора, а в момент, когда государственный орган вносит запись, придающую праву юридическую силу. Таким образом, преступный результат заключается в юридическом закреплении за виновным права на чужое имущество, что само по себе образует ущерб или реальный риск его наступления для потерпевшего.

Общий вывод по данному параграфу заключается в том, что понятие хищения чужого имущества в российском уголовном праве исторически прошло путь от простой формулы изъятия материальной вещи до более сложной конструкции, включающей имущественные права, безналичные деньги и иные нематериальные объекты. Способы хищения также эволюционировали: от прямого обмана в очном взаимодействии к многоуровневым цифровым схемам, основанным на использовании доверия и информационных технологий. Эта эволюция показывает, что мошенничество является формой хищения, которая не опирается на силу, а реализуется через интеллектуальное воздействие и манипуляцию правовыми механизмами, что обеспечивает устойчивость конструкции и её адаптацию к новым социальным и технологическим условиям.

1.2 Социальная опасность и криминологическая характеристика мошенничества

Социальная опасность мошенничества проявляется прежде всего в том, что это преступление разрушает не только имущественную сферу конкретного потерпевшего, но и инфраструктуру доверия, на которой держится гражданский оборот, финансовые услуги и электронная коммерция. Здесь ущерб складывается не только из прямых потерь денег или имущества, но и из дополнительных расходов на проверку контрагентов и восстановление нарушенных прав, а также из снижения доверия в обороте, когда участники уже не готовы заключать сделки без лишних гарантий и залогов. Уголовный

закон реагирует на эту многоуровневую опасность за счет выделения мошенничества в общую и специальные конструкции, где предмет и способ посягательства отражают наиболее уязвимые зоны современного оборота, включая безналичные расчеты, кредитование, страхование, предпринимательские отношения и операции с компьютерной информацией, что указывает на признание законодателем системного характера угрозы и ее способности перераспределять риски с профессионального участника рынка на массового потребителя и на бюджетные системы выплат [23, с. 15].

Криминологическая картина подтверждает значимость этой угрозы масштабом распространения и устойчивостью динамики. По официальным публикациям и ведомственной отчетности за последние годы мошенничество составляет заметную долю всей регистрируемой преступности, при этом значительная часть мошенничества приходится на дистанционные формы и операции с безналичными денежными средствами, что объясняется технологической средой и относительной дешевизной преступного доступа к жертве через телекоммуникационные сети. Наблюдается большое число случаев, когда дела либо вообще не доходят до регистрации, либо возвращаются для исправления ошибок. Это связано с тем, что очень трудно доказать прямую связь между обманом и реальными потерями, особенно когда деньги проходят через несколько переводов, подставных лиц и быстрые платежные сервисы [7, с. 19].

Структура способов совершения в современной криминологии описывается как совокупность интеллектуальных приемов воздействия на волю потерпевшего, где информационный контент и техническая оболочка равнозначно важны для достижения эффекта. К числу устойчивых моделей относятся социально-инженерные схемы с имитацией служебных коммуникаций, ввод в заблуждение по поводу предмета и условий обязательств, использование подложных учетных данных и токенов доступа, а также эксплуатация доверительных или служебных полномочий в договорных отношениях. Для специальных составов прослеживаются

характерные схемы: в кредитной сфере преобладают предоставление заведомо ложных сведений и использование фиктивных заемных профилей, в страховании инсценируются основания страхового случая и подменяются доказательства, в сфере электронных средств платежа преступный результат достигается путем инициирования транзакций с использованием украденных или выведенных реквизитов и кодов подтверждения, тогда как в предпринимательской деятельности важное место занимает имитация реального исполнения при заведомо предрешенном неисполнении встречных обязательств [14, с. 177].

Социальная опасность усиливается тем, что мошенничество перераспределяет криминальные риски на уязвимые группы пользователей, которые не обладают профессиональными средствами защиты и верификации, а также на небольшие организации с низким уровнем комплаенса. В непрерывно растущей доле мошенничеств используются сценарии, при которых доверительная коммуникация в связке с техническими инструментами доступа подталкивает потерпевшего к совершению юридически значимых действий, полностью меняющих баланс имущественных прав. Это проявляется как в мгновенном списании безналичных средств со счета клиента и их последующем расщеплении на цепочку транзитных счетов, так и в юридическом замещении управомоченного лица в реестрах, когда право на имущество формально возникает у виновного без физической передачи вещи. Такой сдвиг в понимании предмета преступления – от телесных вещей к цифровым объектам предопределяет высокую латентность и требует от правоприменителя уточненного понимания момента окончания преступления и структуры причинной связи, чтобы избежать смешения с иными составами или с гражданско-правовыми рисками обычного оборота [42, с. 69].

Криминологическая характеристика личности мошенника демонстрирует тенденцию к профессионализации и сетевой кооперации. Значительную долю составляют организованные группы, распределяющие

роли на этапе первичного контакта с потерпевшим, технологического сопровождения транзакций, управления кошельками и легализации средств. В делах об электронных платежах и удаленных сервисах выявляются устойчивые логистические маршруты денежных потоков и связки с теневыми обменными сервисами, что указывает на интеграцию мошенничества в более широкие экономические схемы обналичивания и вывода средств. При этом наблюдается серийность и повторность, которая объясняется как поведенческими установками самих исполнителей, так и экономической рациональностью преступной модели, где предельная маржинальность достигается за счет множества мелких эпизодов с минимальным риском немедленного пресечения [43, с. 152].

Личность потерпевшего в типичных ситуациях описывается через сочетание факторов, повышающих уязвимость для информационного воздействия, среди которых низкая цифровая грамотность, доверие к авторитетным источникам, обусловленное привычными социальными нормами, и дефицит времени при совершении финансовых операций. В сфере предпринимательства уязвимость возрастает на фоне дефицита ликвидности и зависимости от срочных поставок, когда видимость корректного исполнения контрагентом сочетается с заранее спланированным нарушением обязательств и последующим исчезновением контрагента. Для бюджетных выплат и социальных трансфертов типичны злоупотребления при подаче недостоверных сведений и использовании подложных документов, что переводит приватную выгоду виновного в прямую нагрузку на публичные финансы и тем самым расширяет социальную опасность за пределы двустороннего конфликта между частными лицами [36].

Судебная практика не формулирует новые нормы, но закрепляет способы их применения, устраняя размытость закона. Именно в постановлениях ПВС РФ № 48 и в кассационных определениях фиксируются критерии, по которым правоприменитель должен устанавливать окончание преступления, размер ущерба и границы между гражданско-правовым спором

и уголовно наказуемым мошенничеством. Так, суды исходят из того, что вред может быть установлен не только по факту утраты имущества, но и через изменение юридического состояния прав на него, а квалификация должна учитывать совокупность обстоятельств, подтверждающих изначальный умысел на обман. В этом смысле практика действительно закрепляет свойства мошенничества на уровне квалификационных выводов и параметров вреда и задаёт для следствия и суда обязательные ориентиры.

В делах об операциях с электронными средствами платежа предметом хищения признаются безналичные денежные средства, а момент окончания связывается с их списанием со счета потерпевшего и возникновением у виновного фактического контроля над ними, в том числе через удаленное распоряжение и перевод на промежуточные счета.

В делах об операциях с электронными средствами платежа предметом хищения признаются безналичные денежные средства, а момент окончания связывается с их списанием со счета потерпевшего и возникновением у виновного фактического контроля над ними, в том числе через удаленное распоряжение и перевод на промежуточные счета. В делах о приобретении права на чужое имущество преступный результат определяется по факту возникновения права собственности у виновного или его соучастника, если право собственности достигнуто посредством обмана или злоупотребления доверительными полномочиями, а регистрационные действия завершены в установленном порядке, что и образует окончание преступления независимо от последующей судьбы имущества. Такая позиция позволяет оценивать ущерб не только по факту утраты вещи, но и через изменение юридического состояния прав на нее, а также учитывать цепочки транзакций при квалификации по признакам крупного и особо крупного размера [1].

Детерминанты мошенничества лежат как в технологической, так и в социально-экономической плоскости. Рост удаленных сервисов и мобильных платежей расширил поверхность атаки и сократил среднюю стоимость криминального контакта с жертвой, а асимметрия информации между

профессиональными участниками и массовыми пользователями усилила дисбаланс в распределении рисков. Экономические колебания, падение доходов и кредитная нагрузка повышают восприимчивость к предложениям быстрого заработка и льготного кредитования, что поднимает фон для инвестиционных и кредитных схем. На стороне правоприменения сохраняются объективные трудности доказывания субъективных признаков и умысла на завладение в ситуациях, где по форме отношения выглядят как обычные договорные связи, что и объясняет повышенную долю возвратов дел прокурору для устранения недостатков следствия и необходимость методических разъяснений высшей судебной инстанции по вопросам разграничения уголовно наказуемого обмана и неисполнения гражданско-правовых обязательств без изначального преступного намерения [12, с. 110].

Профилактический потенциал в этой сфере зависит от совместных действий публичной власти, финансовых организаций и операторов информационных систем. Криминологические исследования показывают, что снижение успешности типовых схем достигается через повышение прозрачности процессов аутентификации и уведомления, ограничение одностадийных переводов без отложенного времени на отмену, а также через нормирование распределения рисков в типовых договорах с потребителями, что в перспективе снижает привлекательность преступной модели и повышает стоимость ее реализации для исполнителей [3, с. 6]. В публичном секторе значим эффект постоянного обмена информацией о попытках и методах атак, поскольку криминальные сети оперативно адаптируются к новым фильтрам, и только институциональный обмен данными и единые стандарты реагирования позволяют сдерживать распространение успешных эпизодов на массовом уровне. Юридический компонент профилактики заключается в точной формулировке признаков обмана и злоупотребления доверием и в поддержании разъяснений судебной практики в тонусе, соответствующем технологическим изменениям, чтобы правоприменитель имел ясные ориентиры при оценке причинной связи и момента окончания, а участники

оборота получали предсказуемые правовые последствия при добросовестном поведении и соблюдении разумных стандартов осторожности [6, с. 101].

Подводя промежуточный итог криминологической характеристики, можно зафиксировать, что социальная опасность мошенничества в современной России определяется не одномерно величиной индивидуального ущерба, а совокупным эффектом на качество и скорость гражданского оборота, на доверие к финансовой и цифровой инфраструктуре и на публичные финансы. Техническая приспособляемость преступной модели к новым каналам коммуникации и платежа, организационная работа в сети исполнителей и уязвимость массового пользователя создают устойчивую конструкцию риска, которая требует от уголовного закона и судебной практики тонкой настройки понятийного аппарата и согласованной реакции смежных отраслей права, иначе общественная опасность будет транслироваться в долгосрочные издержки экономического развития и деградацию механизмов доверия, без которых оборот невозможен по своей природе [12, с. 110].

Глава 2 Уголовно-правовая характеристика хищения чужого имущества или приобретение права на него путем обмана

2.1 Объективные признаки

Объективные признаки мошенничества как формы хищения складываются из нескольких взаимосвязанных элементов, которые вместе формируют внешний облик преступления. К ним относят само деяние, предмет посягательства, способ совершения деяния, наступивший имущественный результат и причинную связь между обманом и последствиями. Без установления этих признаков квалификация деяния как мошенничества невозможна, и именно в их совокупности проявляется отличие мошенничества от других форм хищений [23, с. 15].

Предметом мошенничества выступает имущество или право на имущество. В доктрине уголовного права подчеркивается, что имущество в уголовно-правовом смысле имеет комплексную характеристику: экономическую, юридическую и материально-вещественную. Экономическая сторона отражает наличие стоимости, юридическая сторона означает охрану правомочий собственника или иного владельца, а материально-вещественная традиционно предполагала телесность вещи. Однако современная практика допускает в качестве предмета мошенничества и нематериальные объекты, например безналичные деньги или бездокументарные ценные бумаги, поскольку гражданское право прямо включает их в состав объектов гражданских прав [2, с. 125].

Признак «чужое» означает, что имущество или право на него не принадлежит виновному и находится в законном владении другого лица. Установление чужого характера предмета необходимо для отграничения мошенничества от иных нарушений имущественной сферы, где ущерб возникает без вторжения в сферу собственности или законного владения. В доктринальных источниках этот элемент неизменно связывается с защитой

отношений собственности как видового объекта и конкретизацией правомочий владения, пользования и распоряжения [28, с. 106].

Деяние при мошенничестве выражается в информационном воздействии. Закон выделяет два способа: обман и злоупотребление доверием. Обман может носить активный характер, когда сообщаются ложные сведения, демонстрируются фиктивные документы, имитируются события, а может быть пассивным, когда лицо умалчивает о фактах, которые обязано раскрыть в силу закона, договора или фактических обстоятельств. Злоупотребление доверием строится на использовании уже существующих доверительных отношений – семейных, служебных, договорных или иных, – при которых потерпевший сам передает имущество или оформляет право на него, исходя из убежденности в добросовестности виновного [14, с. 177].

Обязательным объективным признаком является имущественный результат. Если преступление направлено на имущество, то окончание связывается с тем моментом, когда вещь или деньги выходят из сферы владения потерпевшего и переходят под фактический контроль виновного. Для безналичных средств критичным считается момент их списания со счета потерпевшего и возможность распоряжения ими со стороны виновного, даже если средства проходят через транзитные счета. Если же преступление связано с приобретением права на имущество, то окончание связывается с моментом возникновения у виновного титула. В делах о недвижимости решающим является внесение записи в государственный реестр, поскольку именно с этого момента право приобретает юридическую силу [1, с. 25].

Неотъемлемым элементом является причинение имущественного ущерба. Ущерб может выражаться как в утрате вещи или денежных средств, так и в создании неблагоприятного юридического состояния, например в лишении потерпевшего правомочий на имущество. В этой логике судебная практика признает ущербом как фактическое списание денег, так и юридическое закрепление права за виновным, даже если потерпевший еще не лишился вещи в физическом смысле.

Причинная связь выступает завершающим звеном объективной стороны. Для признания деяния мошенничеством необходимо доказать, что именно действия виновного по введению в заблуждение вызвали волевой акт потерпевшего, который стал причиной имущественного ущерба. Отсутствие этой связи исключает возможность квалификации по статье о мошенничестве и требует поиска иной нормы, например о присвоении, растрате или о гражданско-правовом споре без признаков преступления [28, с. 106]

Таким образом, к объективным признакам мошенничества относятся: само деяние, которое заключается в противоправном безвозмездном обращении чужого имущества или приобретения права в пользу виновного или других лиц; способ обмане или злоупотреблении доверием; предмет всегда имеет имущественную природу; результат проявляется в имущественном ущербе или изменении юридического состояния, а причинная связь соединяет все элементы в единую конструкцию, что позволяет квалифицировать деяние как хищение [18, с. 24].

2.2 Субъективные признаки

Субъективные признаки мошенничества в уголовном праве раскрывают внутреннюю сторону преступления и позволяют понять отношение виновного к совершаемому деянию и его последствиям. Именно они дают возможность отличить мошенничество от иных форм хищений, а также от правонарушений, внешне схожих с неправомерным завладением имуществом, но не содержащих изначального преступного намерения. К субъективным признакам относят вину, мотив, цель, а также личностные характеристики субъекта [32, с. 78].

Форма вины при мошенничестве всегда умышленная. При этом речь идет именно о прямом умысле. Виновный осознает, что он вводит другое лицо в заблуждение или злоупотребляет доверием, предвидит, что результатом этих действий станет передача ему имущества или оформление права на

имущество, и желает этого результата. Мошенничество по неосторожности невозможно. Умысел в данном случае всегда конкретизирован, он охватывает представление о предмете посягательства и характере ущерба [44, с. 104].

Неотъемлемыми элементами субъективной стороны являются корыстный мотив и цель. Корыстный мотив выражается в стремлении к получению имущественной выгоды за счет потерпевшего. Цель заключается в желании завладеть чужим имуществом или получить право на него и впоследствии использовать в собственных интересах. Если действия лица не имеют корыстной направленности, они не образуют состава мошенничества, даже если сопровождались введением в заблуждение. Таким образом, мотив и цель в делах данной категории выступают взаимосвязанными и определяют границы уголовной ответственности [32, с. 78].

Большое значение субъективная сторона приобретает при отграничении мошенничества от неисполнения гражданско-правовых обязательств. Невыполнение договора по объективным причинам, без изначального преступного намерения, образует лишь гражданско-правовой спор. В то время как мошенничество предполагает умысел на обман и незаконное завладение имуществом уже в момент заключения сделки. Именно поэтому наличие умысла с самого начала отличает уголовно наказуемое деяние от гражданско-правовой ситуации [34, с. 72].

Субъект преступления в делах о мошенничестве должен быть вменяемым и достигшим шестнадцатилетнего возраста. Это связано с необходимостью наличия у лица способности осознавать общественную опасность обмана и руководить своими действиями. Вменяемость подтверждает, что субъект понимал характер совершаемых им действий и их последствия, а значит, может нести уголовную ответственность.

Особое значение субъективные признаки приобретают при квалификации современных форм мошенничества, связанных с цифровыми технологиями и использованием персональных данных. Здесь важно установить, что лицо осознавало противоправный характер своих действий,

предвидело причинение имущественного ущерба и желало его наступления. В многоступенчатых схемах с распределением ролей умысел каждого соучастника анализируется отдельно, но при этом может быть признан единый групповой умысел, если доказана общая корыстная цель и согласованность действий [44, с. 104].

Проведенный анализ в первой главе позволяет сделать ряд выводов и обобщений.

К объективным признакам мошенничества относятся: само деяние, которое заключается в противоправном безвозмездном обращении чужого имущества или приобретения права в пользу виновного или других лиц; способ обмане или злоупотреблении доверием; предмет всегда имеет имущественную природу; результат проявляется в имущественном ущербе или изменении юридического состояния, а причинная связь соединяет все элементы в единую конструкцию, что позволяет квалифицировать деяние как хищение. Субъективные признаки мошенничества выражаются в прямом умысле, корыстном мотиве и цели завладения чужим имуществом или приобретения права на него. Они позволяют отграничить мошенничество от смежных форм хищений и от гражданско-правовых конфликтов, а также обеспечивают правильную оценку действий виновного с точки зрения уголовного закона [10, с. 15].

Глава 3 Вопросы квалификации за хищение чужого имущества или приобретение права на него путем обмана

3.1 Вопросы отграничения за хищение чужого имущества или приобретение права на него путем обмана со смежными составами

Отграничение мошенничества от других преступлений против собственности традиционно вызывает значительные трудности как в правоприменительной, так и в теории права. Основная проблема заключается в том, что многие составы обладают схожими объективными и субъективными признаками, а потому разграничение возможно через анализ способа завладения, характера отношений между виновным и потерпевшим и юридического статуса имущества на момент его перехода [24].

В научной литературе обращается внимание, что чрезмерное расширение пределов ст. 159 УК РФ за счет пограничных договорных ситуаций приводит к подмене гражданско-правовой ответственности уголовной и разрушает разграничительный критерий умысла. Отмечается, что недобросовестное исполнение или предпринимательский риск не тождественны обману как уголовно-правовому способу воздействия, поскольку последний требует доказанного искажения волеобразования потерпевшего или злоупотребления доверительной ролью, существовавшей до передачи имущества либо права [21, с. 94]; [23, с. 15]; [24]. Практическая рекомендация сводится к ограничительному толкованию признаков обмана и злоупотребления доверием и к проверке наличия изначальной преднамеренности, подтверждаемой объективными маркерами, а не ретроспективной неисполненностью обязательств [24].

Прежде всего, мошенничество следует отличать от кражи. Если при краже имущество изымается у собственника тайно, без его воли и участия, то при мошенничестве передача происходит внешне добровольно, но под воздействием обмана или злоупотребления доверием. Важнейшим критерием

выступает способ завладения; при мошенничестве потерпевший сам совершает действие по распоряжению имуществом или правом под воздействием искаженной информации, при краже согласие потерпевшего отсутствует полностью [9, с. 427]; [24].

Существенным является и отличие мошенничества от грабежа и разбоя. При грабежах и разбоях имущество изымается открыто, нередко с применением насилия или угрозой его применения. В отличие от этих составов мошенничество не предполагает насильственного воздействия на потерпевшего, напротив, оно основано на манипуляции сознанием жертвы и создании иллюзии правомерности передачи имущества. В пограничных ситуациях судебная практика ориентируется на открытость либо скрытность изъятия и на наличие реального волеизъявления потерпевшего, даже если оно сформировано обманом [26, с. 280]; [24].

Отдельного рассмотрения требует разграничение мошенничества и присвоения либо растраты, поскольку именно здесь чаще всего возникают ошибки квалификации и возвраты дел на доследование. Ключ к разграничению заключается в установлении правового режима имущества в момент его поступления к виновному. Для присвоения или растраты необходимо, чтобы имущество было вверено лицу на законном основании, то есть передано под ответственность с возложением обязанностей по хранению, учету, перевозке, распоряжению в интересах собственника. Источником вверенности могут быть закон, трудовой или гражданско-правовой договор, должностная инструкция, разовая доверенность, фактическая ситуация материальной ответственности. Именно наличие у лица права и обязанности по распоряжению чужими ценностями в интересах владельца отличает присвоение и растрату от иных форм хищения [37]. Верховный Суд указывает, что вверенность не презюмируется из факта трудовых отношений и должна подтверждаться документами, фиксирующими материальную ответственность и пределы полномочий [24]. Организационные и учетные документы, регламентирующие движение материальных ценностей,

закрепляют круг полномочий и пределов распоряжения, поэтому их анализ становится центральным доказательственным блоком по делам о присвоении или растрате [29, с. 36]; [30, с. 46]. Факт вверения подлежит доказыванию первичными учетными документами, договорами, локальными актами и показаниями ответственных лиц, поскольку именно они закрепляют пределы допустимого распоряжения [29, с. 36]; [30, с. 46].

Именно недостаточная проработка вопроса о вверенности и пределе полномочий является типичным основанием возврата дел прокурору для устранения нарушений. Анализ обобщений практики показывает, что следствие нередко подменяет признак вверенности самим фактом наличия трудового договора или формальной должности, что влечет признание доказательств неполными и направляется на дополнительное расследование для получения локальных актов, договоров о материальной ответственности, доверенностей и маршрутных схем движения материальных ценностей [19, с. 41]; [29, с. 36]; [30, с. 46].

При мошенничестве имущество или право на него передается виновному по воле потерпевшего, однако эта воля сформирована под воздействием обмана или злоупотребления доверием. Обман может касаться предмета и качества, встречного предоставления, правового статуса сделки, личности контрагента, обеспеченности обязательства и платежеспособности [24]; [14, с. 177]; [2, с. 125]. С точки зрения уголовного права у виновного в момент получения имущества отсутствуют законные полномочия на распоряжение, поскольку согласие потерпевшего является дефектным и не создает для виновного легитимного режима владения. Именно поэтому при мошенничестве исходным юридическим фактом является введение в заблуждение относительно предмета, встречного предоставления, правового статуса сделки или личности контрагента, а также использование доверительного положения для склонения потерпевшего к передаче имущества или оформлению права [24]; [42, с. 70]; [14, с. 177]; [2, с. 125].

Практическая линия разграничения такова: если до момента передачи у лица не возникло статуса управомоченного хранителя или распорядителя чужого имущества, а передача обусловлена обманом, то квалификация строится как мошенничество. Признаками преднамеренности выступают фиктивность обеспечения, подложные документы, отсутствие реальных ресурсов для исполнения и уклонение от исполнения сразу после получения имущества [24]; [32, с. 80]. Если же статус управомоченного лица возник ранее и имущество было получено на законном основании с обязанностью действовать в интересах собственника, а последующее обращение ценностей произошло вопреки этой обязанности, то речь идет о присвоении или растрате [24]; [26, с. 280].

Для надежного отграничения важно проследить юридическую динамику владения. В делах о присвоении или растрате следователь устанавливает конкретный акт вверения, круг полномочий и пределы допустимого распоряжения, после чего выявляет момент противоправного обращения имущества в собственную пользу или расходования вопреки цели. В делах о мошенничестве центр тяжести переносится на события, предшествующие передаче: источник и содержание ложных сведений, структуру доверительных отношений, обстоятельства заключения договоров и выдачи доверенностей, а также причинную связь между заблуждением и волевым действием потерпевшего по распоряжению имуществом или правом [24]; [32, с. 80]; [28, с. 108]. На практике существенное значение имеет проверка фиктивности обеспечения, подложности документов, отсутствия реальных ресурсов для исполнения обязательств и уклонения от исполнения сразу после получения имущества. Эти признаки подтверждают, что легитимный статус распорядителя у виновного не возникал, а передача была следствием обмана [24]; [32, с. 80].

Для практической квалификации уместно последовательно отвечать на четыре вопроса: во-первых, на каком основании имущество или право оказалось в сфере контроля виновного и было ли это основание правомерным;

во-вторых, какие именно сведения были сообщены потерпевшему и как они повлияли на его решение; в-третьих, какие доверительные полномочия существовали у виновного и были ли они использованы вне интересов собственника; в-четвертых, каков момент перехода фактического контроля над имуществом либо возникновения юридически действительного права на него. Это позволяет отделить случаи недобросовестного исполнения, когда первоначально действовали правомерные полномочия и не было дефекта волеизъявления, от мошенничества, где дефект воли выступает исходным юридическим фактом [24]; [28, с. 108]; [32, с. 80].

Момент окончания по составам различается и также помогает в разграничении. Для безналичных средств окончание связывается с фактическим списанием со счета потерпевшего и переходом управляемости переводом к виновному, включая удаленное распоряжение и транзитные звенья [24]; [2, с. 129]; [42, с. 71]. При мошенничестве преступление считается оконченным с момента, когда имущество вышло из сферы фактического контроля потерпевшего и у виновного возникла реальная возможность распоряжения им или когда у виновного возникло юридически действительное право на чужое имущество, подтвержденное установленным законом способом, включая внесение записи в государственный реестр, если право возникает в силу регистрации. При присвоении или растрате окончание связывается с актом противоправного обращения вверенного имущества в свою пользу либо с его расходом против воли собственника, что, по существу, оформляет переход от правомерного владения к преступному результату [24]. В делах с безналичными средствами это различие проявляется так: при мошенничестве устанавливается причинная связь между обманом и распоряжением счетом потерпевшего с последующим списанием, при присвоении или растрате проверяется, имел ли виновный право и обязанность управлять этими средствами в интересах владельца до момента их противоправного использования [24]; [2, с. 129]; [42, с. 70].

Не менее детального подхода требует разграничение мошенничества и угона транспортного средства. Угон в законе понимается как неправомерное завладение транспортом без цели хищения, то есть без намерения окончательно обратить транспорт в пользу виновного. При мошенничестве умысел направлен на противоправное обращение имущества либо на приобретение права на него. Пограничные ситуации возникают, когда транспорт получен во временное пользование обманным путем, например под предлогом тест-драйва или перевозки. Судебная практика исходит из необходимости устанавливать конечную цель виновного: если доказано, что намерение ограничивалось кратковременным использованием без стремления распоряжаться транспортом как своим, речь идет об угоне, если же совокупность обстоятельств указывает на намерение присвоить, реализовать или легализовать автомобиль, квалификация смещается в сторону мошенничества [11, с. 179]. Объективными индикаторами окончательной цели выступают подготовка подложных регистрационных действий, договоренности о перепродаже, изменение идентификационных обозначений и обеспечение фиктивного правового титула, что несовместимо с кратковременным использованием [11, с. 179]. На практике к признакам намерения окончательного завладения относят подготовку подложных регистрационных действий, изготовление дубликатов ключей и документов, попытки быстрой реализации или разукomплектации, маскировку идентификационных признаков и иные шаги, объективно несовместимые с кратковременным использованием [11, с. 179].

Базовые разграничительные ориентиры сводятся к трем блокам и согласуются с разъяснениями Пленума Верховного Суда № 48 [24]. При мошенничестве передача имущества или права происходит по волевому акту потерпевшего, но на основании заблуждения, сформированного действиями виновного, и у виновного не возникает законного статуса распорядителя. При присвоении или растрате у виновного первоначально существует правомерный режим владения или распоряжения чужими ценностями, однако

затем он нарушает возложенную обязанность действовать в интересах собственника и обращает вверенное имущество в свою пользу. При угоне отсутствует цель хищения и намерение окончательно завладеть транспортом, и разграничение с мошенничеством решается через установление конечной цели и характера последующих действий. Такой подход согласуется с позициями ПВС РФ № 48 и научной литературой и обеспечивает устойчивую квалификацию по пограничным кейсам [24]; [13, с. 123]; [25, с. 6]; [11, с. 179].

Разграничение мошенничества и гражданско-правовой сделки представляет еще большую сложность. В хозяйственном обороте нередки ситуации, когда обязательство не исполняется, но при этом речь идет не о преступлении, а о предпринимательском риске. Ключевым является вопрос о моменте возникновения умысла. Если лицо при заключении договора намеревалось исполнить обязательства, но не смогло по объективным причинам, содеянное не образует состава преступления. Однако если уже на стадии заключения сделки у лица имелся умысел на невыполнение обязательств и единственной целью являлось получение имущественного результата без встречного предоставления, то речь идет именно о мошенничестве [17, с. 166]. Судебная практика вырабатывает критерии для выявления такого умысла: фиктивность обеспечения обязательства, отсутствие у должника ресурсов для его исполнения, предоставление заведомо ложных сведений или использование поддельных документов.

Таким образом, при разграничении мошенничества от смежных составов ключевыми остаются три критерия. Во-первых, способ завладения имуществом: путем обмана и злоупотребления доверием или же путем недобросовестного использования уже законно полученного имущества. Во-вторых, наличие или отсутствие согласия потерпевшего: добровольное, но основанное на заблуждении, либо вовсе отсутствующее. В-третьих, правовой статус имущества в момент перехода: находилось ли оно у виновного на законных основаниях или было передано ему вследствие введения в заблуждение. Совокупное применение этих критериев позволяет обеспечить

точную квалификацию деяния и поддерживает баланс между уголовно-правовой оценкой и гражданско-правовыми последствиями, исключая произвольное расширение состава мошенничества [13, с. 123].

3.2 Пути совершенствования правовых норм, направленных на предупреждение обманных действий как опасной формы противоправного поведения

Необходимость совершенствования правового регулирования ответственности за мошенничество обусловлена высокой адаптивностью данного преступления к социальным и технологическим изменениям [26, с. 208]. Формы обмана варьируются от устного введения в заблуждение до сложных схем с использованием цифровых технологий, фиктивных договоров и поддельных регистрационных записей [24]. Действующее законодательство уже урегулирует общие и специальные виды мошенничества. Однако стремительное развитие электронных сервисов и финансовых инструментов требует их постоянного уточнения и обновления, чтобы нормы отражали реальные угрозы и обеспечивали правоприменительно четкие ориентиры [26, с. 280].

Первоочередным направлением совершенствования является унификация и конкретизация понятийного аппарата [24]. Речь идет как минимум о следующих категориях: «обман», «злоупотребление доверием», «умолчание» как форма обмана, «момент окончания преступления» по двум моделям состава, «имущественный ущерб» при цифровых операциях, «чужое имущество» и «право на чужое имущество» применительно к безналичным деньгам, бездокументарным ценным бумагам и иным нематериальным объектам. Их нормативное закрепление позволило бы сократить количество возвратов дел на доследование и снизить риск произвольного толкования [24]; [36]; [8].

Обман следует определять как сообщение заведомо ложных сведений, использование подложных документов или инсценировку юридически значимых обстоятельств. В эту категорию входит также умолчание о существенных фактах в случаях, когда на лице лежала обязанность раскрытия информации в силу закона, договора, обычая делового оборота или доверительного статуса [24]; [14, с. 178]; [28, с. 108]. Включение этих элементов в легальное определение позволило бы унифицировать практику и исключить возвраты дел на доследование из-за разночтений в понимании умолчания [24].

Злоупотребление доверием следует формулировать как использование предоставленных полномочий, доверительных отношений или обусловленной роли для извлечения имущественной выгоды путем распоряжения чужим имуществом или инициирования юридически значимых действий потерпевшего. Ключевым является то, что виновный изначально получает доступ к имуществу правомерно, но использует доверие вопреки интересам собственника [32, с. 80]; [2, с. 127]. Здесь важно подчеркнуть, что виновный опирается не на ложные сведения, а на статус доверенного лица, однако итог для потерпевшего идентичен – передача имущества или возникновение у виновного права на него [32, с. 80]; [2, с. 127].

Умолчание как форма обмана требует отдельного уточнения. В научной литературе проводится четкая граница: простое молчание не образует обман, если не было юридической или договорной обязанности раскрыть сведения и, если не создавалась видимость полного информирования. Обман посредством умолчания имеет место тогда, когда лицо, обязанное сообщить сведения о рисках, о неплатежеспособности, об отсутствии обеспечения или иных существенных обстоятельствах, сознательно умалчивает о них, формируя у потерпевшего искаженное представление, определяющее его решение о передаче имущества или оформлении права [14, с. 180]; [32, с. 80]; [28, с. 109].

Момент окончания преступления необходимо закрепить отдельно для двух форм состава, что прямо соответствует позиции Постановления ПВС РФ

№ 48 [24]. При завладении имуществом окончание связывается с выходом вещи или безналичных средств из сферы контроля потерпевшего и возникновением возможности распоряжения ими у виновного. В случае безналичных операций это момент списания средств и установления управляемости счетом со стороны виновного, в том числе при переводах через транзитные звенья. Приобретение права на имущество считается окончательным с момента возникновения у виновного юридически действительного права, подтвержденного регистрационной записью или иным законным актом, даже если фактической передачи вещи еще не произошло.

Имущественный ущерб в цифровых делах требует уточнения содержания. Он должен пониматься не только как утрата вещи или средств, но и как возникновение неблагоприятного юридического состояния для потерпевшего: утрата доступа к счету, возникновение обременяющего права у виновного, либо изменение записи в реестре, перераспределяющее правомочия. Это особенно важно при регистрационных схемах и безналичных расчетах, чтобы учитывать не только физическое изъятие, но и правовой эффект [24]; [2, с. 129]; [42, с. 70]. Такой подход концептуально согласуется с гражданско-правовой моделью объектов и прав, закрепленной в ст. 128 ГК РФ, где предметом оборота выступают также безналичные деньги, бездокументарные ценные бумаги и имущественные права. Учет правового эффекта при исчислении ущерба позволяет корректно квалифицировать случаи блокировки доступа к средствам, неправомерного изменения записей в реестрах и иных юридически значимых действий, не сопровождающихся немедленным физическим изъятием [8]; [2, с. 129]; [42, с. 71].

Чужое имущество и право на него в цифровой среде должны быть раскрыты через гражданско-правовую классификацию объектов. К предмету мошенничества прямо относятся безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, имущественные права и иные нематериальные объекты, признанные объектами гражданских прав [8]; [2, с. 125]; [18, с. 26].

Конкретные изменения, которые целесообразно закрепить: во-первых, дать легальные определения обмана, злоупотребления доверием и умолчания, с указанием источников обязанности раскрыть сведения. Во-вторых, закрепить единую формулу момента окончания преступления для двух форм состава, а для безналичных платежей отдельно указать списание и переход контроля как критерий завершенности. В-третьих, подтвердить, что безналичные деньги, бездокументарные ценные бумаги и имущественные права являются предметом хищения; для права на имущество момент окончания связывать с регистрационной записью или юридическим актом. В-четвертых, определить ущерб через правовой эффект, а не только фактическую утрату. В-пятых, уточнить разграничение мошенничества и неисполнения договора через признаки преднамеренности: заведомо ложные сведения, поддельные документы, фиктивное обеспечение, отсутствие ресурсов для исполнения, уклонение от обязательств сразу после получения имущества. Эти критерии уже применяются в судах, но должны быть систематизированы и закреплены в Пленуме № 48, чтобы исключить произвольное толкование [24]; [32, с. 81]; [2, с. 128]. Кроме того, для единообразия квалификации при множественности эпизодов целесообразно прямо закрепить правило суммирования ущерба при едином умысле и единой схеме совершения, что устранил расхождения в оценке продолжаемого преступления и совокупности преступлений и предупредит фрагментацию обвинения по мелким транзакциям [24]; [25, с. 6].

Еще одной задачей является актуализация специальных составов мошенничества. Выделение в последние годы мошенничества в кредитной, страховой и предпринимательской сферах подтвердило важность дифференциации, однако бурный рост цифровых технологий требует появления новых составов или уточнения существующих. Так, мошенничество с использованием цифровых прав и токенизированных активов пока остается на стыке уголовного и гражданского права, что осложняет квалификацию и не всегда позволяет эффективно защищать

интересы потерпевших. Законодатель мог бы рассмотреть возможность прямого указания на цифровые права и безналичные деньги как предметы хищения, что исключило бы споры о допустимости их включения в состав мошенничества [33, с. 359].

Немаловажным направлением изменений в законодательстве остается уточнение квалифицирующих признаков мошенничества. В судах до сих пор нет единства в том, как считать размер ущерба, когда преступление совершается не одной операцией, а целой серией действий. Одни квалифицируют каждую транзакцию как отдельный эпизод, другие суммируют их, исходя из единого умысла преступника. В итоге на практике возникает проблема в оценке наличия или отсутствия совокупности преступлений. Решить проблему можно через четкое закрепление правила в соответствующем ПВС РФ № 48: если обманные действия объединены одной схемой и единым умыслом, то ущерб подлежит суммированию – это обеспечит единообразие в квалификации и исключит произвольное толкование [16, с.44].

Не менее острой проблемой является квалификация мошенничества, совершаемого организованными группами в цифровой среде. Особенность таких преступлений заключается в том, что действия участников распределяются между различными стадиями реализации схемы: одни разрабатывают и администрируют фальшивые сайты, имитирующие интерфейсы банков или сервисов государственных услуг, другие занимаются сбором и использованием персональных данных, третьи обеспечивают обналичивание или дальнейшее движение средств через цепочку подставных лиц и организаций [4, с. 14]; [43, с. 153]. На уровне фактического поведения такие действия могут восприниматься как отдельные эпизоды, что дает возможность защите настаивать на отсутствии общего умысла и единой преступной цели. Однако при анализе всей конструкции становится очевидно, что речь идет о взаимосвязанной схеме, направленной на достижение общего корыстного результата – завладения чужим имуществом [41, с. 137]; [38, с. 47].

Технологическая ролевая специализация участников – разработка фишинговой инфраструктуры, сбор и монетизация персональных данных, управление бот-сетями, создание транзитных кошельков и обналичивание – формирует устойчивые связи и функциональную взаимозаменяемость, что указывает на организованную форму соучастия. Фактическая распределенность по юрисдикциям, использование защищенных каналов связи и сервисов мгновенных платежей объективно усложняют фиксацию координации, поэтому правоприменителю необходимы четкие критерии согласованности: повторяемость схемы, наличие постоянных ролей, централизованные правила распределения похищенного, а также технические и финансовые следы координации [4, с. 14]; [43, с. 153]; [24].

В судебной практике эта проблема обостряется. Одни суды квалифицируют такие действия как совершенные организованной группой, исходя из системности и устойчивости преступных связей, другие – как совокупность самостоятельных эпизодов, ссылаясь на отсутствие формализованного руководства или единого центра принятия решений [24]; [19, с. 41]. Такая неоднородность квалификации ведет к различным подходам при определении меры наказания и к несопоставимой оценке общественной опасности схожих деяний.

На доктринальном уровне отмечается, что отсутствие четких критериев согласованности и устойчивости позволяет формировать произвольные выводы, в то время как квалифицирующий признак «организованная группа» требует конкретного и предсказуемого толкования [42, с. 70]; [20, с. 148]. Для устранения пробелов необходимы разъяснения Верховного Суда РФ, которые закрепили бы набор критериев: во-первых, устойчивость связей между участниками, подтверждаемая повторяемостью действий и наличием постоянного распределения ролей; во-вторых, согласованность функционального участия, выражающаяся в дополняющих друг друга ролях (создание инфраструктуры, ввод потерпевших в заблуждение, перевод и обналичивание денежных средств); в-третьих, направленность на общий

корыстный результат, проявляющийся в распределении похищенного имущества или прав на него [24].

Таким образом, решение данной проблемы возможно через нормативное закрепление критериев согласованности и устойчивости в положениях ПВС РФ № 48, а также через унификацию подходов следственных органов и судов. Это обеспечит единообразие практики, устранил риск произвольного толкования и создаст условия для справедливой оценки общественной опасности мошенничества, совершаемого в цифровой среде.

Одной из наиболее уязвимых сфер остаются социальные выплаты, субсидии и пенсионные фонды. Практика показывает, что мошенники систематически выбирают в качестве жертв пожилых граждан, несовершеннолетних и лиц в тяжелом материальном положении, поскольку такие категории обладают ограниченными возможностями проверки информации и менее защищены в цифровой среде [22, с. 145]. Особую группу составляют преступления, связанные с хищением средств из государственных и муниципальных фондов социальной поддержки: незаконное получение субсидий, компенсаций, адресных пособий, пенсий и страховых выплат. В действующем законодательстве отсутствуют специальные составы, направленные на охрану именно этих выплат. По общему правилу они квалифицируются как мошенничество, предусмотренное статьей 159 УК РФ, или по смежным статьям о мошенничестве в сфере кредитования или страхования. Такой подход нивелирует особую социальную значимость объектов посягательства. Средства, предназначенные для защиты уязвимых слоев населения, подлежат более жесткой охране, чем обычные имущественные активы. Введение специальных квалифицирующих признаков для случаев обмана, направленного на фонды социальной поддержки и выплаты социально уязвимым гражданам, представляется оправданным и необходимым. Это позволило бы подчеркнуть повышенную общественную опасность указанных действий, а также сформировать у правоприменителя ориентир на более строгую оценку таких преступлений [6, с. 101].

Центральной и наиболее острой проблемой правоприменения остается установление изначального преступного умысла при заключении договоров и иных юридически значимых сделок. Именно этот элемент является главным водоразделом между гражданско-правовой ответственностью и уголовным наказанием. Если лицо при заключении договора действительно намеревалось исполнить обязательства, но не смогло по объективным причинам (например, по причине неплатежеспособности, возникшей уже после заключения сделки), речь идет о гражданско-правовом споре. Однако если уже на стадии заключения сделки лицо знало о своей невозможности исполнить обязательства и использовало сделку исключительно как инструмент для незаконного получения имущественного результата, налицо состав мошенничества. Отсутствие четких критериев приводит к правовой неопределенности: схожие обстоятельства в разных делах могут квалифицироваться по-разному, а это порождает риск произвольного толкования.

Судам и следствию целесообразно использовать совокупность объективных индикаторов изначальной преднамеренности: фиктивность обеспечения (залог несуществующего имущества, гарантийные письма без правоспособного эмитента), неоднократное использование одной и той же схемы с разными контрагентами, умышленная неплатежеспособность, сокрытие существенных условий сделки и немедленное уклонение от исполнения после получения имущества или права. Наличие таких индикаторов в совокупности должно служить основанием для вывода о преступном умысле и отграничивать состав мошенничества от неисполнения договора [24]; [32, с. 80].

Для преодоления этой проблемы требуется закрепление в положениях ПВС РФ № 48 набора объективных признаков, свидетельствующих об изначальном умысле. К ним относятся: фиктивность обеспечения обязательства (например, предоставление недействительных залогов или гарантий), использование поддельных или заведомо ложных документов,

предоставление недостоверной информации о финансовом состоянии, заведомое отсутствие ресурсов для исполнения договора, а также уклонение от исполнения обязательств сразу после получения имущества или права на него. Эти критерии уже упоминаются в судебной практике, но их формализация в качестве прямых ориентиров позволила бы исключить колебания и создать устойчивую практику разграничения мошенничества и хозяйственного риска [24]; [32, с. 80].

Представляется целесообразным закрепить на законодательном уровне или в разъяснениях высшей судебной инстанции и критерии умысла, указывающих на преднамеренность. К ним можно отнести факты предоставления заведомо недостоверных сведений, использование поддельных документов при оформлении сделки, имитацию обеспечения обязательств фиктивными активами или залогами, а также уклонение от исполнения обязательства непосредственно после получения имущества или права на него. Эти признаки при их совокупности должны создавать устойчивое основание для вывода о наличии умысла. Дополнительно, на уровне практических ориентиров, целесообразно учитывать такие факторы, как поведение лица до и после заключения сделки, отсутствие даже минимальных попыток урегулировать обязательство, повторяемость аналогичных схем и использование технических инструментов для сокрытия действий. Закрепление этих ориентиров позволило бы снизить количество спорных ситуаций, когда стороны апеллируют к понятию хозяйственного риска, и облегчило бы задачу доказывания следственным органам и суду [32, с. 78]; [24].

В качестве возможного пути можно предложить разработку руководящих разъяснений Верховного Суда, где детально были бы отражены подходы к оценке доказательств субъективной стороны. В этих разъяснениях могли бы быть закреплены как позитивные критерии преднамеренности, так и отрицательные признаки, указывающие на отсутствие изначального преступного умысла, например, реальное исполнение части обязательств,

добросовестные попытки урегулировать спор или наличие объективных обстоятельств, препятствующих исполнению.

Наконец, совершенствование уголовно-правового регулирования должно опираться на продолжение взаимодействия с гражданским и информационным правом. Сегодня подавляющее большинство мошенничеств совершается в сфере электронных платежей, где распределение рисков между банками и клиентами заранее определяется гражданским законодательством и нормативными актами Банка России. Это приводит к коллизии: один и тот же случай может оцениваться как нормальный хозяйственный риск при разрешении гражданского спора и одновременно квалифицироваться как мошенничество в рамках уголовного дела. Такая неопределенность подрывает доверие к правовой системе и создает угрозу произвольного правоприменения.

На сегодняшний день государство предприняло ряд шагов для предупреждения мошенничеств в финансовой сфере. Внесены изменения в Федеральный закон «О национальной платежной системе», которые закрепляют обязательность многофакторной аутентификации при совершении операций и обязанность банков информировать клиентов о рисках и подтверждать транзакции через дополнительные каналы [40]. Банк России разработал и ввел стандарты кибербезопасности для кредитных организаций, включающие требования к системам выявления подозрительных транзакций и алгоритмы блокировки сомнительных переводов. Запущены государственные информационные кампании, направленные на повышение финансовой грамотности граждан, с разъяснением типичных схем обмана и правил безопасного поведения в сети. Кроме того, в 2023–2024 гг. были приняты поправки, позволяющие банкам приостанавливать сомнительные переводы по межбанковской системе быстрых платежей для проведения проверки, что уже снизило число случаев мгновенного вывода похищенных средств [31].

Для устранения оставшихся противоречий необходима комплексная работа по межотраслевому согласованию норм. Следует закрепить четкие

критерии, позволяющие правоприменителю различать технический сбой, неосторожное поведение клиента и умышленные действия преступника. Например, если ущерб возник исключительно из-за сбоя программного обеспечения, речь должна идти о технической проблеме, подлежащей урегулированию в гражданско-правовом порядке. Если клиент проявил невнимательность и добровольно сообщил свои данные, требуется четко определить пределы его ответственности и установить разумные стандарты осторожности в законе. И лишь в случае, когда доказано, что лицо сознательно инициировало обманные действия, воспользовалось чужими реквизитами или внедрило технические средства для незаконного доступа, наступает уголовная ответственность. Такая дифференциация позволила бы провести четкую грань между хозяйственными рисками и уголовно наказуемыми деяниями, обеспечив предсказуемость правоприменения и защиту участников имущественного оборота [42, с. 69].

В совокупности все эти направления указывают, что совершенствование законодательства должно сочетать три линии: уточнение понятий и признаков состава, актуализацию специальных норм под новые формы цифрового мошенничества и согласование уголовного права с иными отраслями для эффективного предупреждения и пресечения обманных действий. Только при таком подходе уголовно-правовые нормы смогут адекватно реагировать на меняющуюся криминогенную среду и обеспечивать должную защиту имущественных отношений в условиях современного оборота.

Заключение

Проведенное исследование показало, что мошенничество как форма хищения чужого имущества или приобретения права на него путем обмана обладает сложной уголовно-правовой природой и высокой социальной опасностью. Анализ норм действующего законодательства, судебной практики и доктринальных источников позволил выявить ключевые признаки этого преступления, а также очертить круг проблем, которые продолжают осложнять его квалификацию.

Во введении была обозначена актуальность темы, связанная с ростом числа мошенничеств в России и изменением их характера в условиях цифровизации общественных отношений. Характеристика социальной опасности подтвердила, что мошенничество наносит ущерб не только отдельным гражданам или организациям, но и подрывает доверие к экономическим и правовым институтам, создавая дополнительные транзакционные издержки и снижая устойчивость имущественного оборота.

В первой главе рассмотрены исторические аспекты становления уголовно-правового регулирования хищений и особенности социальной опасности мошенничества. Показано, что от первых нормативных актов до современного уголовного кодекса понятие хищения прошло путь от описания простых форм завладения вещами к детализированным конструкциям, охватывающим имущественные права и цифровые объекты. Криминологический анализ показал, что в современной структуре преступности мошенничество занимает одну из ведущих позиций, особенно в сфере дистанционных платежей и договорных отношений.

Во второй главе исследованы объективные и субъективные признаки мошенничества. Установлено, что объективная сторона характеризуется введением в заблуждение или злоупотреблением доверием, причинением имущественного ущерба и прямой причинной связью между действиями виновного и наступившими последствиями. Особое внимание уделено

моменту окончания преступления, который различается в зависимости от того, связано ли мошенничество с передачей имущества или с приобретением права на него. Субъективная сторона представлена прямым умыслом и корыстной целью, что позволяет отграничить мошенничество от иных деликтов и гражданско-правовых конфликтов.

В третьей главе рассмотрены вопросы квалификации и отграничения мошенничества от смежных составов. На основе анализа практики показано, что ключевыми критериями разграничения являются способ завладения имуществом, наличие или отсутствие согласия потерпевшего и правовой статус имущества в момент его передачи. Разграничение с кражей, присвоением и растратой, грабежом и разбоем выявило важность учета как объективных, так и субъективных признаков.

Итоговые выводы позволяют констатировать, что мошенничество в современном российском праве остается одним из наиболее сложных и многогранных составов преступлений против собственности. Оно объединяет в себе черты имущественного и интеллектуального посягательства, и именно в этом заключается его особая опасность. Для повышения эффективности противодействия мошенничеству необходимо развивать законодательство в части уточнения признаков состава, расширять судебные разъяснения применительно к новым формам обмана, а также укреплять взаимодействие уголовного права с гражданско-правовыми и информационными нормами.

Таким образом, исследование подтвердило, что уголовно-правовая характеристика мошенничества требует комплексного подхода, объединяющего теорию, практику и криминологический анализ. Решение выявленных проблем позволит не только повысить эффективность квалификации и расследования мошенничеств, но и укрепить доверие к имущественным отношениям, что является одной из основ стабильного правопорядка.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Апелляционное определение Ульяновского областного суда от 12.03.2025 по делу № 22-382/2025 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 14.07.2025).
2. Ахмедов Р.У. Имущество как оценочный признак предмета хищения. Общество и право. 2021. № 2 (39). 125-131 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://kubsau.ru/> (дата обращения: 14.07.2025).
3. Ахмедов Р.У. Имущество как оценочный признак предмета хищения. Общество и право. 2024. № 2 (39). 6-13 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://kubsau.ru/> (дата обращения: 19.09.2025).
4. Бадиков Д.А., Елисеева К.А. Мошенничество с использованием электронных средств платежа: к вопросу об уголовно-правовой характеристике. Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2024. № 2 (99). С. 13-35.
5. Галаганов А.А. Тайность как генеральный способ хищения. Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2021. № 28 (161). С. 35-40.
6. Ганиева И.А., Ковтун Н.А. Предупреждение преступлений, связанных с хищением чужого имущества // Государственная служба и кадры. 2020. № 3. С. 101-102.
7. Генеральная прокуратура Российской Федерации. Портал правовой статистики. Показатели преступности России. 2021 [Электронный ресурс]. URL: <http://crimestat.ru/> (дата обращения: 15.09.2025).
8. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 02.07.2013). Статья 128 «Объекты гражданских прав» // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
9. Гужвенко С.У. Понятие и квалифицирующие признаки кражи. 2023. С. 427-431 [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/> (дата обращения: 15.09.2025).

10. Жидков Д.Д. Мошенничество: уголовно-правовая характеристика и виды. 2023. С. 15-32.
11. Зангиев М.А. Некоторые вопросы отграничения кражи от смежных составов преступлений. наука, общество, культура: проблемы и перспективы взаимодействия в современном мире. 2022. С. 179-182 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://pedklaster27.ru/> (дата обращения: 12.09.2025).
12. Иванова О.М. Криминологические основы формирования уголовного законодательства о хищении чужого имущества // Вестник Российского университета кооперации. 2022. № 3 (29). С. 110-113.
13. Кадников Н.Г., Карпова Н.А. К вопросу отграничения краж от иных преступлений против собственности // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 6. С. 123-127.
14. Карясова Е.В., Романова Н.Л. Формы хищения в уголовном праве России, сравнительная характеристика // Вестник науки. 2024. Т. 1. № 2 (71). С. 177-183.
15. Козлов Г.В. Виды хищения чужого имущества // Вестник Магнитогорского государственного технического университета им. ГИ Носова. 2022. № 2 (10). С. 85-86.
16. Кудряшов А.В. Уголовно-правовой анализ некоторых изменений в законодательстве, касающихся хищения чужого имущества // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2023. № 2 (102). С. 44-45.
17. Лухнева М.Я. Вопросы разграничения кражи и находки // Закон и право. 2022. №. 4. С. 166-170.
18. Любавина М.А. Признаки хищения специальных предметов (ст. 229 УК РФ) //КриминалистЪ. 2022. № 1 (8). С. 24-29.
19. Лямин А. Возвращение уголовного дела прокурору: практика кассационных судов общей юрисдикции (2021–2024 гг.). 2024. С. 8-12 [Электронный ресурс]. URL: <https://fparf.ru/> (дата обращения: 15.09.2025).

20. Медведев С.С. Постановление Пленума Верховного Суда РФ не решило всех спорных моментов квалификации мошенничества // Общество и право. 2008. № 1 (19). С. 147-149.

21. Маркелов Д.Ю. Понятие хищения и место мошенничества как формы хищения // Научный альманах. 2022. № 2-1(88). С. 94-97.

22. Набоян А.С. Мошенничество как фактор социальной опасности // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2021. №. 7 (35). С. 145-148.

23. Насыбуллин Л.И., Пирогов П.П. Проблемы определения понятия и признаков хищения чужого имущества в уголовном законодательстве Российской Федерации // Sciences of Europe. 2021. № 84-2. С. 15-21.

24. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате». [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vsrfl.ru/> (дата обращения: 15.09.2025).

25. Пряхина Н.И., Щепельков В.Ф. Об отграничении продолжаемого преступления от совокупности преступлений // Криминалисть. 2021. № 1 (8). С. 6-11.

26. Сарычева С.А. Проблемы квалификации кражи и ее отграничения от других преступлений. 2023. 280-283 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://moluch.ru/> (дата обращения: 15.09.2025).

27. Сейпиева К.Р., Дюсенбеков Д.Н. Проблемы разграничения форм хищения чужого имущества // Наука и реальность. 2021. № 2 (6). С. 144-146.

28. Сидорова А.В. Объективные признаки кражи // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 11 (302). С. 106-110.

29. Скробов Б.В. Хищение имущества в организациях: процедуры досудебного разбирательства // Бухгалтерский учет в бюджетных и некоммерческих организациях. 2021. № 23. С. 36-46.

30. Скробов Б.В. Хищение имущества в организациях: ситуации обнаружения признаков хищения // Бухгалтерский учет в бюджетных и некоммерческих организациях. 2006. № 22. С. 46-49.

31. Третьяк М.И. Мошенничество как преступление против собственности в современном уголовном праве: курс лекций. М., 2014. 194 с.

32. Телицин А.А. Субъективные признаки кражи по законодательству Российской Федерации // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 3-3. С. 78-82.

33. Терсенов М.А. Актуальные вопросы уголовно-правовой оценки цифровых прав как предмета хищения чужого имущества // Право и управление. 2024. № 3. С. 359-363.

34. Тольяттинский государственный университет. Институт права. Кафедра «Уголовное право и процесс». Общее понятие хищения по российскому уголовному праву: выпускная квалификационная работа бакалавра по направлению 40.03.01 Юриспруденция / В.Е. Макаров. науч. рук. Н.Ж. Данилина. - Тольятти, 2022. 72 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://bestreferat.ru/> (дата обращения: 16.09.2025).

35. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ. Статья 158 «Кража» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

36. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ. Статья 159 «Мошенничество» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

37. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ. Статья 160 «Присвоение или растрата» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

38. Урусов З.Х. Криминологическая характеристика мошенничества на современном этапе общественных отношений // Пробелы в российском законодательстве. 2021. Т. 14. №. 3. С. 46-50.

39. Федеральный закон от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3448.

40. Федеральный закон от 27.06.2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 27. Ст. 3872.

41. Филиппов А.Р. Феномен мошенничества в России XXI века: уголовно-правовая, криминологическая и социально-психологическая характеристика // Юридическая наука: история и современность. 2021. № 6. С. 134-146.

42. Хилjuta В.В. Способ действия при хищении имущества: актуальные вопросы судебного толкования и доктринального правопонимания // Lex russica. 2021. № 8 (177). С. 69-79.

43. Шавалеев Б.Э. Общественная опасность мошенничества с использованием электронных средств платежа // Вестник экономики, права и социологии. 2021. № 4. С. 152-154.

44. Эфрикян Р.А., Яблонский И.В. Субъективные и объективные признаки кражи // Право и практика. 2024. № 4. С. 104-109.

45. Южиков А.А. Истоки возникновения видов хищений чужого имущества // Вестник Волжского университета им. ВН Татищева. 2024. Т. 1. № 3 (108). С. 127-133.